

ОБРАЗ ГОРОДА В ЗАПИСКАХ Н. ДУРОВОЙ “КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА. ПРОИСШЕСТВИЕ В РОССИИ”

Сведений о первой женщине-гусаре, награждённой георгиевским солдатским крестом, принимавшей участие в войне 1812 года, Надежде Дуровой немного. В основном они пересказывают автобиографические записки с добавлением утаенных мемуаристкой сведений о замужестве в 1801 году и рождении сына Ивана, и содержатся в справочной литературе, словарях или вступительных статьях к разным изданиям. Творчество Н. Дуровой, как правило, связывается с именами А. С. Пушкина и В. Г. Белинского и ассоциируется с тайной, происшествием, смешением гендерных ролей в поведении. Записки Дуровой рассматривались как военные мемуары (А. Г. Тартаковский), как первые образцы автодокументальных женских текстов в России (И. Савкина), как мемуарное произведение, в котором разрешались художественные задачи, близкие тем, которые ставил перед собой А. С. Пушкин при работе над “Капитанской дочкой” (А. Б. Рогачевский). Попыткой представить записки Дуровой как путевой дневник можно назвать газетную статью В. Кыркевича “Жінка, яка здивувала Світ”.

Цель данной работы рассмотреть записки Надежды Дуровой как путевой дневник, в котором описаны многие города Украины, России, Белоруссии, Литвы, Польши, Германии; показать, что восприятие города зависит от исторического времени, от настроения мемуаристки, от физического состояния, подчеркнуть, что ценность записок Н. Дуровой заключается в том, что в них нашли отражение обычаи и традиции жизни не только и не столько дворянства и высших кругов, сколько простого народа, солдат, офицеров. Также сравнить описание городов у Дуровой и других украинских мемуаристов, Т. Г. Шевченко и С. Капнист-Скалон; показать сходство в описании Петербурга у Дуровой и А.С. Пушкина, и различный подход в изображении действительности у мемуаристов и писателей (Л. Чарская, Н. Загоскин).

Как известно восприятие города зависит не только от возраста, социального положения, образования, интересов человека, но и от его настроения, сцен быта, с которыми он сталкивается в данном городе, от времени года, погоды и других субъективных факторов. Восприятие города различно у коренного жителя и приезжего. У человека, впервые попавшего в город, есть стереопит, который сложился под влиянием услышанного или прочитанного ранее об этом городе, с какими людьми или событиями ассоциируется у него этот город, и т.п. Во время посещения у человека возникает первичный образ города, который может либо измениться, либо дополниться, т.к. в сознании людей образ города не является застывшей аморфной массой. Поэтому, образ любого города – это субъективная совокупность географических, исторических, бытовых и психологических составляющих.

Писатель через свои произведения передаёт свой синтезированный образ города читателю, мемуарист делится личными впечатлениями, эмоциями, своим отношением к городу.

Путешествия в записках Дуровой условно можно разделить на три группы: поездки в Малороссию в детском возрасте, походы в мирное и военное время. В памяти Дуровой не сохранилось ничего примечательного во время “детских” поездок: “Нечего описывать путешествия моего под надзором старого Степана и в товариществе двенадцатилетней Аннушки, его дочери; оно началось и кончилось, как начинаются и оканчиваются подобные вояжи: ехали на протяжных тихо, долго и наконец приехали” [1, 336]. Армейские походы (и в мирное, и в военное время) – это исполнение приказов (“выступить в двадцать четыре часа” [1, 446]), а не путешествие по выбранному маршруту. Различна цель поездок, различна динамика повествования, различно построение предложений. Описание мест во время этих походов зависит от настроения и самочувствия Дуровой. Трудно заметить что-либо, например, если двое суток не спать и не сходить с лошади [1, 469].

Первый город, о котором упоминается в записках Н. Дуровой – это Киев. Именно туда поехали её родители после венчания, в Киеве и родилась будущая кавалерист-девица, и только когда ей исполнилось четыре месяца, полк отца был переведён в Херсон [1, 325]. Несмотря на то, что в 1810 году Дурова провела в Киеве два месяца в качестве ординарца при главнокомандующем, о самом городе написано мало. Киев в мирное время – это, прежде всего, люди: Ермолов, Милорадович, офицеры и гусары. “Мне очень весело в Киеве; я имею здесь много приятных знакомств”, – пишет Дурова [1, 428]. Балы, танцы, анекдоты, маневры – основные занятия гусар.

Пребывание в Киеве в 1810 году закончилось несчастным случаем – самоубийством корнета Парадовского, одного из сослуживцев Дуровой. Несколько предложений, из которых известно, что “кровь его большою лужею скопилась у дверей”, “череп раскололся на несколько кусков”, “две пули остались в потолке”, а тело было отнесено “на распутие, где вырыли ему могилу” [1, 432]. Сжато, кратко, лаконично, нет времени на размышления, минутное сожаление, и снова новый поход. (“Какая непостоянная жизнь, не дадут нигде привыкнуть!” [1, 433]).

Тарас Шевченко, который вёл тихий и размеренный образ жизни (“В продолжение десяти лет я, кроме степи и казармы, ничего не видел и, кроме солдатской рабской речи, ничего не слышал” [7, 56]) в своём дневнике за 15 июля 1857 года также записывает услышанную историю о самоубийце. Он передаёт поверье уральских казаков, согласно которому самоубийц хоронят в поле без церковных обрядов. “В дни поминовения усопших родственники несчастного или просто добрые люди выносят и посыпают его могилку хлебным зерном – житом, пшеницею, ячменем и проч. – для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили бога о отпущении грехов несчастному” [7, 60]. Шевченко не только называет этот обряд “поэтически-христианским”, но и вспоминает, как относятся к самоубийцам в Малороссии. Их тоже хоронили в поле, но обязательно на “перекрёстной дороге”. “В продолжение года идущий и

едуший мимо несчастного покойника должен был что-то бросить на его могилу, – хоть рукав рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истечении года, в день его смерти, а более в зелёную субботу (накануне троицына дня), сжигают накопившийся хлам как очистительную жертву, служат панихиду и ставят крест на могиле несчастного” [7, 60].

Описание ещё одного украинского города в записках Дуровой заслуживает внимания. Это – Кременец Тернопольской области. “Я всегда с удовольствием бываю в этом городке, – писала Дурова в 1808 году, – его прекрасное романтическое положение у подошвы утёсистой горы, на которой красуется развалившаяся каменная ограда замка королевы Боны, доставляет мне очаровательную и разнообразную прогулку” [1, 419]. Дурова не только восхищается красотой города, но и размышляет над названием: “Полагаю, что Кременец получил своё название от кремнистых гор, его окружающих” [1, 419]. Дурова часто обращает внимание на название населённого пункта. Например, “Наш эскадрон квартирует в какой-то *Вязовщине*. Какое гармоничное название! Сейчас можно подобрать рифму и очень приличную!” [1, 551].

Дурова не противопоставляет во всех деталях “великороссийскую” и “малороссийскую” деревню как Шевченко (“Великороссийская деревня это, как выразился Гоголь, – наваленные кучи серых брёвен, с чёрными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! ... В Малороссии совсем не то. Там деревня и даже город укрыли свои белые, приветливые хаты в тени черешневых и вишневых садов...” [7, 59]. Дурова не описывает подробно и красочно Малороссию в разное время года как С. Капнист-Скалон [4, 288-289], но по коротким фразам и скупым выражениям понятно, что с Малороссией связаны самые счастливые мгновения её детства. Малороссия – это ясное небо [1, 333], лесные дачи дядиного поместья, река Удай, “прекрасный край! с прекрасным климатом” [1, 336], с большими садами, просторными полями. Часть земли, “обыкновенно примыкающая к саду и отделяемая от него одним только рвом” называлась левада, а большая лодка – “дуб” [1, 334]. В родовом поместье Александровичей, в селе Велика Круча, которое расположено на реке Удай и проводила свои юные годы будущая кавалерист-девица. Целое лето была Надежда у тётки своей Значко-Яворской, которая жила “близ города Лубен”.

Малороссия – это добрые, гостеприимные люди; доверие, свобода, интерес к новой жизни (женской участи). Малороссия – это подруга, любимые занятия, и, наконец, Малороссия – это первая любовь. Именно к этому периоду её жизни относится последнее “если бы”, т.е. одна из основных причин из-за чего история никогда бы не узнала кавалерист-девицу (если бы отдали замуж за Кирияка).

И Т. Г. Шевченко, и С. Капнист-Скалон, и Дурова искренне любили Украину, поэтому описания в их воспоминаниях такие яркие, красочные, живые. Писательница Лидия Чарская, жительница Петербурга, описывая село в Малороссии [6, 42], в котором провела детские годы Надежда Дурова, допускает ряд неточностей. Во-первых, она изменяет название села Велика Круча на “Бидливые кровки” (вероятно, так, по её мнению должно звучать на украинском языке “Бодливые коровки”). Во-вторых, село, в котором жили

родственники Дуровой, находилось в Пирятинском уезде, а не Кобелякском; а река Удай, которая является правым притоком Сулы, не протекает в Кобелякском районе. Далее, никто из названных украинских мемуаристов не употребляет слова “хохлушки”; женщины называются “малороссиянки”, т.к. этноним “хохол”, “хохлушка” считался не только шутивным, фамильярным, но и пренебрежительным.

Петербург – город, о котором в записках Дуровой не только упоминается неоднократно, но и название которого выносится в оглавление: “Первый приезд мой в столицу”, “Поездка в Петербург”, глава “Две недели отпуска” также посвящена времени, проведённому в Петербурге.

В исследовательской литературе неоднократно подчёркивалось, что записки Дуровой были восприняты Белинским как “мистификация” со стороны Пушкина. На наш взгляд, стоит отметить, что есть сходство в описании Петербурга у Н. Дуровой и А. Пушкина. Уже первое предложение, посвящённое Петербургу (“Вот наша светлая, чистая, великолепная столица!”), можно сравнить со словами из “Медного всадника”: “И перед младшею столицей померкла старая Москва”). Хвалу Петербургу Дурова продолжает словами: “памятник непобедимого мужества, великого духа и геройской решимости непобедимого Петра!” [1, 391]. Для сравнения у Пушкина: “Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид...” [5, 173], или “Красуйся град Петров, и стой Неколебимо как Россия...” [5, 174]. Великолепие Петербурга начинается для Дуровой с памятника Петру I: “... всякий день хожу смотреть на монумент Петра Великого. Как достойно дано ему это название! Пётр был великим, в каком бы состоянии ни родился! Величественная наружность его вполне отвечает обширному гению, некогда управлявшему его великою душою!” [1, 391]. Благодаря слову ‘великий’ из первых строчек поэмы Пушкина становится понятно о ком идёт речь: “На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн, И вдаль глядел” [5, 172].

Петербург для Дуровой это, прежде всего, место, с которым связаны значимые изменения в её жизни. Во время первого визита – это встреча с императором Александром, с которым она беседовала “сложив руки как перед образом, и смотря на государя глазами полными слёз” [1, 392]. Петербург – это не только разрешение жить той жизнью и в том образе, который она для себя выбрала, но и позволение называться новым именем – Александровым. Таким образом, именно в Петербурге вместо вымышленного Александра Дурова появляется офицер Александров, имеющий официальное разрешение императора называться его именем, служить отечеству, а также получивший за боевые заслуги Георгиевский крест. Начало новой жизни совпадает с известием о смерти матери, а ведь именно её поведение, отношение к юной Надежде и к женской участи вообще, по мнению Дуровой, стало причиной того, что она решила таким кардинальным образом изменить свою жизнь.

В Петербурге Дурова раскрывается как ценитель искусства (“я страстно люблю живопись” [1, 393]), который рассуждает о ценности картин в Эрмитаже; высказывает своё отношение к театру (“в воскресенье никто из хорошего тона не бывает в театре” [1, 394]) и развлечению под названием

“китайские тени” (“как я не дитя и не крестьянка, то после первой картины перестала смотреть на эти штуки” [1, 395]).

Второй визит в Петербург не был таким радостным по сравнению с первым. Несмотря на то, что прекрасная столица – это “очаровательное жилище обожаемого царя! нежно любимого отца – кроткого, милостивого!”, настроение у Дуровой тревожное, т.к. вместо “графа Аракчеева заступил Барклай де Толли” [1, 440]. Опасения Дуровой оправдались – новый начальник выдал ей 500 рублей на обмундирование. Как утверждает Дурова, “на эти деньги по одному только чуду можно б было сделать гусарский мундир” [1, 441], поэтому она решила перейти в уланы, написала записку “военному министру” и поспешно покинула город. Таким образом, и второй визит в Петербург явился поворотным в жизни Дуровой, после чего она “с сожалением скинула блестящий мундир свой и печально надела синий колет с малиновыми отворотами” [1, 442].

Именно Петербург и работу местной полиции приводит в пример сослуживец Дуровой Ильинский, когда во время путешествия в Голштинию у них был украден чемодан с личными вещами и деньгами: “...если б это случилось в Петербурге, то через сутки пропажа была бы найдена, хотя бы несколько тысяч людей было тут замешано, и что нет в свете полиции, которая могла бы сравниться с русскою в деятельности, проницательности и остроумии средств, употребляемых ею для разыскания и открытия самых тонких мошенничеств” [1, 526-527]. После таких слов немецкой полиции пришлось немало потрудиться и раскрыть преступление, чтобы достойно выглядеть в глазах союзников.

В Москву Дурова попала после Бородинского сражения, “чтоб заказать сшить теплую куртку” [1, 485]. После сильной контузии, испытывая боль в ноге, Дурова практически ничего не рассказывает о самом городе. Из её повествования ясно только, что жители Москвы постоянно задавали ей вопросы о дальнейшем ходе военных действий, а именно, будет ли Москва сдана Наполеону; также мемуаристка замечает, что “многие извозчики оставили Москву”, а оставшиеся просили очень дорого.

Полк, в котором служила Дурова, “остановился верстах в двух или трёх” от Москвы [1, 487], в то время как армия продолжала отступление. Поэтому воспоминания Дуровой ценны тем, что ей удалось передать атмосферу и настроения русских солдат и офицеров в 1812 году, прежде всего потрясение, отчаяние солдат, находящихся в непосредственной близости, после сдачи Москвы: “Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: *лучше уж бы всем лечь мёртвыми, чем отдать Москву!* Разумеется, они говорят это друг другу вполголоса, а в таком случае офицер не обязан этого слышать” [1, 487].

Дурова, несмотря на то, что записки её были опубликованы в 1836 году, и неоднократно исправлялись, оставляет запись, отражающую её первоначальное видение происходящих событий о пожаре Москвы: “Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах! Французы вовсе нерасчётливы. Зачем они жгут наш прекрасный город? свои

великолепные квартиры, так дорого ими нанятые? Странные люди!.. Мы все с сожалением смотрели, как пожар усиливался и как почти половина неба покрылась ярким заревом” [1, 487]. Через двадцать лет после описываемых событий Дурова не могла не знать (или слышать) версий о поджоге Москвы, т.к. уже в 1823 году Ростопчин выпустил книгу “Правда о пожаре Москвы”, в которой он отрицал свою причастность к нему, но не отрицал того, что местные жители сами поджигали свои дома. К концу 1820-х годов версия о поджоге Москвы утверждалась русскими с гордостью. Герой романа Загоскина “Рославлев, или русские в войне 1812 года” (1831 г.) также подтверждает страшную догадку: “Как будто бы вы не знаете русского человека: гори всё огнём, лишь только злодеям в руки не доставайся!” [2, 231].

Как известно, соприкасаясь с мнением других очевидцев, мемуарист обменивается устной информацией, зачастую усваивая “общее” мнение как своё собственное. Кроме того, отношение автора к событиям в период их совершения и в момент работы над мемуарами не всегда совпадает. Собственный жизненный опыт, социальные изменения в обществе побуждают смотреть на прошлое по-иному. Дурова, тем не менее, не делает никаких изменений в своём дневнике, сохраняя своё первоначальное отношение к происходящему.

Следующая запись в дневнике с пометкой “Москва” относится к 1813 году и показывает переживания Дуровой по поводу “горестной вести”, которая ей была сообщена (“Кутузов умер!”) и затруднительное положение, в которое она теперь попадала, связанное с устройством младшего брата “в военную службу” [1, 505].

Записки Дуровой позволяют читателю узнать и условия, в которых жили солдаты и офицеры в мирное и военное время. Все квартиры, описанные Дуровой, в рамках одной статьи разобрать не представляется возможным, рассмотрим некоторые из них. Например, вначале своей военной карьеры, находясь в городе Дружкополь, на берегу Буга, она знакомится с жизнью офицеров, которые “сидят в душной комнате, с утра до вечера курят трубки, играют в карты и говорят вздор”. А в начале войны 1812 года её эскадрону была назначена дневка в селе Кастьюкновка. В почернелой, закоптелой, напитанной дымом, “с растрёпанною соломенной кровлею, земляным полом и похожей снаружи на раздавленную черепаху” крестьянской хижине им предстояло провести день [1, 448]. Денщики теснились у порога и печи, “занимаясь чисткою удил, мундштуков, стремян, смазыванием ремней и тому подобными кавалерийскими работами [1, 448].

В 1813 году Дурова квартировала в селении, находящимся в пятнадцати верстах от Лаишина. В её распоряжении был обширный сарай (“это моя зала”), пол которого “усыпан песком, стены украшены цветочными гирляндами, букетами и венками; в середине всего этого поставлено пышное ложе...на четырёх низеньких отрубках положены три широкие доски; на них настлано четверти в три вышиною мелкое душистое сено почти из одних цветов и закрыто некоторым родом бархатного ковра с яркими блестящими цветами; большая сафьяновая подушка...довершает великолепие моей постели...” [1,

509]. Самое главное для Дуровой – это не комфортные условия в её “сплетённой из хвороста” зале, а возможность проводить время в “тёмных лесах” или купаться в “чистых и светлых, как хрусталь, озёрах” [1, 508].

Из записей Дуровой, относящихся к 1814 году, читатель узнаёт интересные детали быта немцев: “Я не знаю, как иначе назвать постели затейливых немцев; это точно шкапы: растворяя обе половинки дверец, найдёшь там четвероугольный ларь, наполненный перинами и подушками, без одеяла; если угодно тут спать, то стоит только залезть в середину всего этого, и дело кончено” [1, 527].

Стоит заметить, что описывая населённые пункты в мирное время и в хорошем настроении, Дурова чаще всего употребляет прилагательное “прекрасный”. Например, “пройти несколько пешком по прекрасной тенистой аллее” [1, 526], “мы ушли прогуливаться по прекраснейшим окрестностям...” [1, 530], “...мы с глубочайшим сожалением говорим “прости” этой прекрасной стране и её добродушным жителям” [1, 532], “погулять по прекрасным рощам около Полоцка” [1, 538], и т. п. Что же такое “прекрасный город” для Надежды Дуровой? Это – место, где её любят, где нет стеснения её свободе, есть возможность проводить время в просторных садах, лесах, горах. Наслаждаясь одиночеством и окружающей красотой.

Подводя итог, отметим, что восприятие нового города у Дуровой зависит от исторического или сезонного времени, от настроения, от самочувствия. В своём путевом дневнике Дурова сумела зафиксировать настроения жителей разных городов России в тревожное для страны время, представила быт и времяпровождение солдат и офицеров в разных городах разных стран, используя выразительные средства языка, показала состояние городов во время войны 1812 года, отношение к российским воинам в союзных странах, запечатлела традиции и обычаи народов.

Литература

1. Давыдов Д. В. Стихотворения. Проза. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы / Денис Васильевич Давыдов, Надежда Андреевна Дурова. – М. : Правда, 1987. – 649 с.
2. Загоскин М. Н. Рославлев, или русские в 1812 году / М. Н. Загоскин [Вступ. ст. и комм. Пескова А.]. – М. : Правда, 1986. – 416 с.
3. Записки А. П. Ермолова. 1798 – 1826 гг. / [Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Федорова В. А.]. – М. : Высш. шк., 1991. – 463с.
4. Капнист-Скалон С. В. Воспоминания / Софья Васильевна Капнист-Скалон // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. Моисеева Г. Н.]. – М. : Современник, 1990. – 281 – 388.
5. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Худож. лит., 1985 – 1987. – Т. 2: Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – 1986. – 527 с.
6. Чарская Л. А. Смелая жизнь: подвиги загадочного героя. Историческая повесть / Л. А Чарская. – М. : Дет. лит., 1991. – 240 с.

7. Шевченко Т. Г. Собрание сочинений в четырёх томах / Тарас Григорьевич Шевченко. – М. : Правда, 1977. – Т. 4. – 1977. – 432 с.

Аннотация

Статья посвящена анализу записок Надежды Дуровой как путевому дневнику, в котором изображены многие города из разных стран в мирное и военное время. Автор статьи доказывает, что восприятие города зависит от исторического времени, от настроения мемуаристки, от физического состояния; акцентирует внимание на том, что в записках Дуровой нашли отражение обычаи и традиции жизни не только дворянства и высших кругов, но и простого народа, солдат, офицеров. В статье сделана попытка сравнить описание городов у нескольких украинских мемуаристов (Т. Шевченко, С. Капнист-Скалон), показать различный подход в изображении действительности у мемуаристов и писателей.

Ключевые слова: *дневник, путевой дневник, города, обычаи и традиции, украинские мемуаристы, мемуарная литература, художественная литература.*

Анотація

Стаття присвячена аналізу записок Надії Дурової як дорожньому щоденнику, в якому змальовано багато міст з різних країн в мирний і військовий час. Автор статті доводить, що сприйняття міста залежить від історичного часу, від настрою мемуаристки, від фізичного стану; акцентується увага на тому, що в записках Дурової відображені звичаї і традиції життя не лише дворянства і вищих кругів, але й простого народу, солдатів, офіцерів. У статті зроблена спроба порівняти опис міс у декількох українських мемуаристів (Т. Шевченко, С. Капніст-Скалон), показати різний підхід в зображенні дійсності у мемуаристів і письменників.

Ключові слова: *щоденник, журнал, міста, звичаї та традиції, українські мемуаристи, мемуарна література, художня література.*

Summary

This article analyzes the notes of Nadezhda Durova as travel diary, which shows many cities from different countries in peacetime and wartime. The author of the article proves that the perception of the city depends on the historical time, the mood of the memoirist, on the physical state; focuses on the fact that the notes of Durova reflect customs and traditions of life not only the nobility and the higher circles, but also ordinary people, soldiers, officers. An attempt to compare description of cities by another Ukrainian memorialists (T. of Shevchenko, P. Kapnist-Skalon) is done in the article. A different approach in the image of reality in memoirists and writers is also shown.

Key words: *diary, journal, cities, customs and traditions, Ukrainian memoiristics, memoir prose, fiction.*

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Фёдоровым В. В.